

Публикация В. С. Груздинской

Исключение из состава Академии наук в зеркале документальных свидетельств (1928 год)

«В Академии делается что-то странное. Впечатление такое, как будто Академия стоит на перепутье: влево пойдешь, шею сломаешь, вправо — костей не соберешь, а прямо ходить Академия разучилась. <...> Я лично думаю, что Академию ждет судьба университета и коренная перестройка»¹, — писал 6 декабря 1927 г. филолог-классик, член-корреспондент Академии наук Г. Ф. Церетели своему коллеге И. А. Джавахишвили. Положение дел в Академии наук действительно было тяжелым и неопределенным. «Коренная перестройка» научного центра, точнее сказать, наступление на его свободы и автономию, началась еще в середине 1920-х годов. В 1925 г. Академия приобрела всесоюзный статус и стала подчиняться СНК СССР напрямую. Следующий шаг — новый устав учреждения, который был разработан комиссией для связи и наблюдения за работой Академии наук СССР (далее — АН СССР) и предложен ученому сообществу еще весной 1926 г. Спустя год, 18 июня 1927 г., документ был принят². Главные изменения коснулись механизма рекрутирования членов Академии: отныне принцип выборности предполагал, что рекомендовать кандидатуры в ее состав имели право не только академики (как раньше), но и представители иных научных и общественных организаций. Также обяза-

*Груздинская
Виктория
Сергеевна*
аспирант, Омский
государственный
университет
им. Ф. М. Достоевского
(Омск, Россия)

тельным стало обсуждение в центральной печати претендентов на вакантные места³.

На осень 1928 г. были назначены масштабные выборы в Академию наук — планировалось избрать 85 членов⁴. Публикуемые ниже документы, датируемые февралем — ноябрем 1928 г., освещают этап подготовки к этим выборам. Материалы представляют собой деловую переписку неперменного секретаря Академии наук СССР академика С. Ф. Ольденбурга с заместителем наркома иностранных дел М. М. Литвиновым, начальником Отдела научных учреждений СНК СССР Е. П. Вороновым, управляющим делами СНК Н. П. Горбуновым. Эпистолярный диалог строился вокруг вопросов, связанных с невключением некоторых членов бывшей Императорской Академии науки в новый список членов АН СССР или исключением их из него. Источник представляет собой шесть машинописных писем, из которых три подлинника (документы 3, 5, 6) и три копии (документы 1, 2, 5). Документы рассылались, вероятно, не только непосредственному адресату, но и Комиссии содействия работам Академии наук СССР, в фонде которой в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. Р-8429) нам удалось их обнаружить. Эта комиссия задумывалась как координирующий деятельность Академии орган при советском правительстве, в ее состав вошли А. С. Енукидзе (председатель), М. М. Литвинов, Н. П. Горбунов, Е. П. Воронов, А. И. Криницкий, В. П. Милютин, С. Ф. Ольденбург⁵.

Какова эвристическая ценность этих документов? Чем они могут привлечь современного исследователя, ведь, казалось бы, сюжет «приручения» Академии наук довольно подробно освещен в литературе⁶?

В публикуемых письмах содержатся любопытные детали переходного для Академии наук 1928 года, иллюстрирующие механизм взаимодействия Академии с советской властью. В частности, в документах 1–3 речь идет о включении в новый список королей Италии и Швеции, числившихся почетными членами дореволюционной Академии наук. Членство названных монарших особ, как следует из обращения С. Ф. Ольденбурга М. М. Литвинову, противоречит положению устава 1927 г.: почетными членами «могут быть избраны ученые <...> обогатившие науку трудами мирового значения»⁷. Непременный секретарь подчеркивает, что этот деликатный вопрос в силу международного характера требует «особого внимания и осторожного к себе отношения». Зажатый в тисках «политических обстоятельств», Сергей Федорович обращается за советом/резолюцией сначала в дипломатическое ведомство (29 февраля 1928 г.), а затем в Отдел научных учреждений (14 марта 1928 г.). Источник не содержит ответа на вопрос, как в итоге была решена судьба королей-академиков.

Драматический акт предвыборного действия отражен в последних трех документах публикуемой подборки (документы 4, 5, 6). Переписка посвящена вопросу о невключении в состав Академии представителей «бывшей царствующей династии» и эмигрировавших ученых или об их исключении из нее. Эта история берет начало 15 марта 1928 г., когда Е. П. Воронов обратился к С. Ф. Ольденбургу с требованием ответить на вопросы: «1) кто из числа избранных ею (Академией. — В. Г.) в свое время действительных членов, почетных членов и членов-корреспондентов эмигрировал за границу по причинам

политического характера или по другим причинам; 2) кто из этих лиц исключен из состава АН СССР, когда состоялось это исключение (дата), мотивировка исключения и на основании какого официального постановления оно произведено»⁸. Ответ был подготовлен на заседании Президиума АН СССР 22 марта 1928 г. и сводился к следующему: специального постановления об исключении эмигрировавших членов Академия наук не принимала, но с 1 января 1919 г. прекратила выплату им жалования и не включила их в опубликованные в 1921 г. списки. Академическое сообщество настаивало на том, что перечисленные действия свидетельствуют об исключении из своих рядов. Это, в свою очередь, не устраивало советское руководство, которое требовало от Академии наук более четкой позиции, зафиксированной в официальной бумаге об исключении академиков — врагов СССР. Соответствующее постановление АН СССР было подготовлено и утверждено СНК 15 декабря 1928 г.⁹

Из личных записей Е. Г. Ольденбург, супруги С. Ф. Ольденбурга, известно, что этот документ разрабатывался и обсуждался на заседании Президиума 7 июня¹⁰, однако на обсуждение Общего собрания Академии не выносился, а следовательно, до времени остался в ее стенах. Почему это произошло? Полагаем, Академия наук в лице неперменного секретаря еще надеялась отстоять позиции автономии и независимости хотя бы в праве самостоятельно определять форму исключения своих членов и потому придержалась постановление. Так, в публикуемом письме С. Ф. Ольденбурга Н. П. Горбунову (документ 5) не упоминается об этом документе, хотя позиция учреждения сформулирована четко: «Академия наук СССР не может согласиться с заключением Управления Делами СНК СССР о том, что исключение из списка не означает исключения из состава Академии»¹¹. Интересна реакция власти на позицию Академии — в углу письма черными чернилами сделана надпись: «1) А[кадемия] н[аук] не намерена огласить декларацию, принципиально отгораживающую ее политически от всех эмигрантов. 2) Решение Президиума, я уверен, не было поставлено на Общее Собрание»¹². Автор надписи оказался прав. В письме от 27 ноября 1928 г. С. Ф. Ольденбург пишет Е. П. Воронову: «Что же касается внесения этого постановления в Общее Собрание, то таковое внесение <...> пока состояться не могло» (документ 6).

Дальнейшее развитие событий, в частности «дело академика Жебелёва», вынуждало Академию наук сдать свои позиции и в конце концов согласиться исключить своих членов в предложенной властью манере, что и было зафиксировано в письме С. Ф. Ольденбурга Е. П. Воронову от 27 ноября 1928 г. (документ 6).

Тема выборов в Академию наук вызвала резонанс как в советской, так и в эмигрантской печати. В апреле 1928 г. в «Известиях» опубликована статья В. Милютина, где отмечалась недостаточность исследований экономических, социологических сюжетов в Академии наук. По мнению автора статьи, это обстоятельство было связано с тем, что «единственный экономист, которого <...> Академия наук до сих пор не исключила из своей среды, Петр Бернгардович Струве <...> находится за границей и ведет самую бешеную контрреволюционную работу против СССР»¹³. Спустя несколько месяцев, в июле, имя

«белоземigrанта» Струве вновь промелькнуло в советской печати — на первой полосе «Известий» была напечатана статья «Перед обновлением Академии наук СССР»: «Дело, разумеется, не в Петре Струве или в каком-нибудь другом белогвардейце-академике, а в том, может ли Академия в своем нынешнем составе недвусмысленно отгородиться от скверного наследия старого и начать, наконец, принимать <...> участие в экономическом и культурном строительстве советской страны»¹⁴. Именно это Академия и сделала, заявив в письме Е. П. Воронову от 27 ноября о своей солидарности «с широкими кругами советской общественности». Публикация в «Известиях» была известна эмигрантскому сообществу — спустя несколько дней заметка о ней вышла в парижском «Возрождении» (24 июля)¹⁵. Ранее, 3 июля 1928 г., в том же издании была опубликована статья Н. С. Тимашева, посвященная предстоящим выборам. Автор подчеркивает, что реформа академического центра была предпринята с целью введения в его состав «излюбленных людей», а именно М. Н. Покровского, Н. И. Бухарина, Н. М. Лукина, А. М. Деборина и др.¹⁶

Небезынтересна реакция ученых-эмигрантов на предвыборные перипетии в Академии наук. На международном конгрессе исторических наук в Осло (август 1928 г.) академик М. И. Ростовцев устроил громкий скандал, поводом к которому послужили события в Советской России. В интервью норвежской газете *Aftenpost* 15 августа 1928 г. историк нелестно высказался в адрес советской делегации¹⁷. Спустя несколько дней «беспартийные» советские историки в беседе с корреспондентом того же издания опровергли тезис эмигранта о том, что «в России нет свободного исследования», а имеется только подгонка исторических фактов под марксизм¹⁸.

Подводя итог, отметим, что публикуемые документы любопытны исключительно в контексте происходившего в Академии наук — они не только иллюстрируют механизм «приручения» этого учреждения, за которым последовала реакция среди эмигрантов, но и позволяют, если читать их между строк, увидеть предлагаемые/транслируемые участниками переписки модели решения острых вопросов. Сюжет, связанный с восприятием зафиксированных в источниках событий в ученом сообществе эмигрантов, на данном этапе вызывает ряд важных вопросов. Неясно, например, как повлияли эти события на коммуникативное поле отечественной науки, оказавшейся в разных углах — советском и эмигрантском.

В публикуемых материалах сохраняются орфография и пунктуация первоисточника, за исключением явных описок, а также нижние подчеркивания отдельных фрагментов текста. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Купюры, пропуски в тексте источников отмечены многоточиями, заключенными в угловые скобки.

Документ 1**Письмо С. Ф. Ольденбурга М. М. Литвинову**

Непременный секретарь Академии наук СССР,
от 29 февраля 1928 г.
Совершенно секретно
Копия

Многоуважаемый Максим Максимович¹⁹,

Академия наук СССР, приступая к переизданию полного списка своих почетных и действительных членов и членов-корреспондентов, не могла не остановиться на следующем обстоятельстве. В списке иностранных почетных членов Академии с 1901 г. состоят Король Италии²⁰ и Король Швеции²¹.

Избрание их, произведенное при старом порядке, в связи с тогдашними политическими обстоятельствами, и являвшееся отражением того внимания, которое проявляли названные лица к некоторым научным предприятиям, в частности, Король Швеции к Шпицбергенской Экспедиции²², не стояло в то время в противоречии со старым Уставом Академии²³, который допускал избрание в почетные члены не только ученых, но и «знаменитых особ, известных своими познаниями и любовью к наукам».

Между тем, в настоящее время, независимо от политической стороны дела, указанный вопрос не может не вызывать сомнений и с чисто формальной стороны. Действующий ныне Устав Академии (параграф 19) предусматривает возможность избрания в почетные члены лишь лиц, обогативших науку трудами мирового значения, к числу которых, конечно, ни Король Италии, ни Король Швеции не принадлежат.

С другой стороны, однако, в международной научной практике не принято аннулировать старые почетные избрания, хотя бы структура учреждения и подверглась существенным изменениям. Они обычно рассматриваются как исторический след ранее действовавшего порядка.

Таким образом, приведенный вопрос, осложняемый политическими обстоятельствами, допуская различные решения, требует особого внимания и осторожного к себе отношения. Не подлежит сомнению, что опущение в списке почетных членов Академии Королей Италии и Швеции, если бы таковое имело место, могло бы быть сочтено актом неуважения к верховным главам названных стран, с которыми наш Союз находится в нормальных дипломатических сношениях. Ввиду этого, и так как указанный вопрос, имея международный характер, выходит собственно из компетенции Академии наук, Президиум Академии, хотя и учитывал все отмеченные выше условия несоответствия указанных избраний настоящему положению Академии, однако, не решился самостоятельно внести изменения в указанную часть списка и поручил, прежде принятия каких-либо мер в этом отношении, выяснить точку зрения НКВД по существу настоящего вопроса.

Сообщая Вам об изложенном, очень прошу Вас не отказывать осведомить меня о Вашем взгляде на указанный вопрос, чтобы в зависимости от него дать то или иное направление рассматриваемому делу.

Искренне Вас уважающий, Сергей Ольденбург

ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 122. Л. 1–1 об.

Документ 2

Письмо М. М. Литвинова С. Ф. Ольденбургу

Заместитель Народного комиссара по иностранным делам
Непременному секретарю Академии наук СССР
С. Ф. Ольденбургу от 7 марта 1928 г.
Совершенно секретно
Копия

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Поскольку речь идет в Вашем письме не об изменении, а лишь переиздании списка почетных и действительных членов Академии, НКИД не видит оснований к исключению из списка кого бы то ни было из почетных членов, избранных в дореволюционное время. Нам кажется, что, во избежание недоразумений, следовало бы в списке перечисление почетных академиков, избранных до революции, заметно отделить от пореволюционных академиков. Ввиду сложности вопроса, НКИД предложил бы поставить его на окончательное разрешение в Научном отделе СНК СССР.

С приветом, М. Литвинов
ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 122. Л. 2.

Документ 3

Из письма С. Ф. Ольденбурга Е. П. Воронову

В Отдел Научных Учреждений при СНК СССР
от 14 марта 1928 г.
Совершенно секретно

В связи с переизданием полного списка своих Почетных и Действительных Членов и Членов-Корреспондентов, Академия наук СССР остановилась на вопросе об уместности включения в этот список Короля Италии и Короля Швеции, состоящих почетными членами Академии наук с 1901 г. Имея в виду, что настоящий вопрос тесно связан с компетенцией НКИД, Академия наук СССР <...> вошла в сношение с Заместителем Комиссара по Иностранным Делах и Членом Комиссии по содействию работам Академии наук — М. М. Литвиновым — желая выяснить точку зрения НКИД на этот вопрос.

<...> Академия наук СССР просит Отдел Научных Учреждений не отказать сообщить ей свое мнение по настоящему делу, для принятия его в соображение при окончательном составлении указанного выше списка.

Непременный секретарь, академик [С. Ф. Ольденбург]
ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 122. Л. 3–3 об.

Документ 4**Письмо Н. П. Горбунова²⁴
в Президиум Академии наук СССР**

от 5 июня 1928 г.
Секретно
Копия

Из ответа Академии наук от 22 марта 1928 г. № 34-с на запрос Отдела Научных Учреждений — совершенно несомненно вытекает следующее:

1) Академия наук не исключала П. Б. Струве²⁵ и М. И. Ростовцева²⁶ из числа действительных академиков, не лишала звания почетных академиков Н. С. Мальцева²⁷ и И. А. Бунина²⁸, не только не исключала из состава своих членов-корреспондентов А. А. Кизеветтера²⁹, И. П. Глубоковского³⁰ и др., но и числит их до настоящего времени в своих списках.

2) Академия наук в порядке общего постановления от 5.10.1918 г. лишь прекратила выплату жалования указанным академикам с 1 января 1919 года, причем они не были помещены в списки действительных членов Академии, напечатанные в 1921 г., на основании технических (очевидно, не протокольных) распоряжений Президиума Академии, что, конечно, означает не исключение их из состава Академии наук, а лишь временное непопечение их в списки, так как таким же техническим распоряжениям эти лица могут быть в любой момент внесены в них обратно.

3) Никаких постановлений об исключении этих и других врагов СССР из состава Академии ею не принималось точно так же, как и не было ее отклика на неоднократные публичные запросы по этому делу со стороны советской общественности.

4) В ответе Академии вовсе не упоминаются такие лица, как бывший князь Н. Н. Романов³¹, который был избран почетным академиком в 1915 г. Это дает основание предполагать, что имеется еще ряд и других лиц, кроме вышеупомянутых, в отношении которых с Академией наук, по неизвестным причинам, не внесено достаточной информации.

Я считал бы необходимым, чтобы Академия наук Союза ССР официально и совершенно точно и ясно определила свое принципиальное отношение к вышеуказанным лицам.

Управляющий делами СНК СССР — Н. Горбунов.

ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 122. Л. 4.

Документ 5**Из письма С. Ф. Ольденбурга Н. П. Горбунову³²**

Непременный секретарь Академии наук
от 11 июня 1928 г.
в Управление Делами СНК СССР
Секретно

Вследствие отношения от 5 июня с. г. № НС-911 АН СССР считает необходимым сообщить следующее:

1) В отношении на имя Отдела Научных Учреждений при СНК СССР от 22 марта с. г. № 34-с Академией наук СССР были отмечены те меры, кои приняты ею относительно ранее избранных почетных и действительных членов и членов-корреспондентов Академии, находящихся теперь вне пределов СССР, причем Академия наук совершенно определенно указала, что означенные лица более в ее списках не числятся.

2) Академия наук, не вынося по рассматриваемому вопросу никаких декларативных постановлений, еще в 1918 г. определенно проявила свое отношение к лицам ученого персонала, оказавшимся в начальные годы нового строительства вне пределов Союза и не возвратившимся своевременно в Советскую страну для участия в общей созидательной работе, приняла уже известное Управлению Делами СНК СССР постановление от 5 октября 1918 г. Общее Собрание Академии наук не только сделало распоряжение технического характера, регулирующее служебные отношения, но и формулировало общее свое отношение к указанным лицам, признав их утратившими связь с Академией. В соответствии с этим постановлением были лишены содержания и затем исключены из списков действительные члены, оставшиеся за границей. Позднее, по мере получения сведений об эмигрировании некоторых почетных членов и членов-корреспондентов, принимались аналогичные меры и в отношении этих лиц, причем им прекращалась и высылка академических изданий, являющаяся внешним выражением их связи с Академией³³.

3) Академия наук СССР не может согласиться с заключением Управления Делами СНК СССР о том, что исключение из списка не означает исключения из состава Академии; принимая означенную меру, Академия имела в виду не временное лишь помещение в список, а полное устранение из своего состава всех означенных лиц.

4) Из делопроизводства Академии тех годов видно, что постановления и распоряжения тогдашнего Президиума Академии — органа, возникшего в связи с требованием жизни, и до утверждения Устава 1927 г. в законе не предусмотренного, вообще не протоколировались. Эти распоряжения делались в виде кратких резолюций на бумагах, или непосредственных указаний Вице-Президента и Непременного секретаря подчиненным учреждениям и лицам, почему отсутствие протокольных постановлений по рассматриваемому вопросу не является случаем исключительным, а соответствует общему положению делопроизводства того времени. Что же касается основного постановления Общего Собрания от 5 октября 1918 г., то оно не только имеет протокольную форму, но и напечатано <...>.

5) Факт выбытия из состава почетных членов избранного в дореволюционное время Н. Н. Романова так же, как и А. П. Ольденбургского³⁴, является в такой степени самоочевидным следствием общих мероприятий, принятых Советским Правительством в отношении части бывшей царствующей династии, что Академия наук считает излишним принимать в этом отношении какие-либо отдельные постановления, могущие лишь вызвать крайнее недоумение в широких массах населения.

6) Кроме единственного печатного списка ее почетных членов и членов-корреспондентов, переиздаваемого время от времени в связи с происходящими в составе Академии наук изменениями, нет никаких других особых списков, которые были бы неизвестны Управлению Делами Совнаркома СССР, не существует и опасения Управления Делами Совнаркома СССР по поводу того, что «имеется еще ряд и других лиц <...> в отношении которых с Академией <...> не внесено достаточной ясности», — само собой отпадает.

Непременный секретарь Академии наук
[С. Ф. Ольденбург]

ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 122. Л. 5–6.

Документ 6**Из письма С. Ф. Ольденбурга Е. П. Воронову³⁵**

В Отдел Научных Учреждений при СНК СССР³⁶
от 27 ноября 1928 г.
Секретно

Вследствие отношения от 23 ноября с. г. № НО-911 по вопросу об исключении из учебного состава Академии наук лиц, эмигрировавших за границу, Академия наук СССР сообщает, что как ею уже отмечалось в секретном отношении от 11 июня с. г. № 73-с, после постановления Общего Собрания от 5 октября 1918 года, по мере выяснения факта эмиграции отдельных ученых, входивших в состав Академии, делались распоряжения об исключении их из печатных списков действительных членов, почетных и членов-корреспондентов Академии, что и явилось признанием их утратившими связь с Академией. Так как в те годы формальных протоколов Президиума не велось, то и протокольных записей о применении этих распоряжений не имеется, но то обстоятельство, что указанные распоряжения состоялись и приведены в исполнение, подтверждается ненахождением более в печатных списках Академии указных выше лиц. Затем, 7-го июня с. г.³⁷, состоялось суммирующее постановление Президиума по этому вопросу <...>. Что же касается внесения этого постановления в Общее Собрание, то таковое внесение, ввиду большого числа вопросов, связанных с выборами новых действительных членов Академии, пока состояться не могло. Президиум Академии наук предполагает дополнить указанное дело в одном из ближайших Общих Собраний, как только будут проведены наиболее важные в настоящий момент выборные вопросы.

Сообщая об изложенном, Академия наук СССР не может не отметить, что, в случае необходимости опубликования в печати положения этого дела, всегда представляется возможность дать³⁸ информацию о постановлении Президиума Академии от 7 июня с. г., достаточно определенно отражающем точку зрения Академии наук на рассматриваемый вопрос, в котором Академия, конечно, совершенно солидарна с широкими кругами советской общественности.

Непременный секретарь Академии наук,
[С. Ф. Ольденбург]

ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 122. Л. 7–7 об.

¹ *Тункина И. В.* М. И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман / отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. М., 1997. С. 95.

² В период с апреля 1926 г. по июнь 1927 г. устав неоднократно обсуждался на Общих собраниях Академии наук, Политбюро ВКП(б). Причина, по которой принятие устава затянулось, полагаем, кроется в настроениях академического сообщества. Так, в феврале 1927 г. на Общем собрании АН СССР был зачитан новый устав, а в марте в Комиссию содействия работам АН СССР поступили письма от А. П. Карпинского, А. Е. Ферсмана, С. Ф. Ольденбурга, в которых отмечалось: «После юбилея <...> наметился ряд ненормальностей между властью и Академией, которые наносят много вреда и создают опасность для согласованной работы» (цит. по: *Летопись Российской Академии наук: в 4 т. Т. IV: 1901–1934* / отв. ред. Э. И. Колчинский, Г. И. Смагина. СПб., 2007. С. 581).

³ *Уставы Российской академии наук. 1724–2009*. М., 2009. С. 145–146.

⁴ Постановлением СНК от 3 апреля 1928 г. число действительных членов АН СССР было увеличено с 43 до 85. См. об этом: *Брачёв В. С.* Угрожение строптивой, или как АН СССР учили послушанию // *Вестник АН СССР*. 1990. № 4. С. 120.

⁵ См. об этом: *Глухарев Н. Н.* Поиск форм общегосударственного управления наукой в СССР во второй половине 1920-х гг. // *Наука и школа*. 2010. № 6. С. 149–151; *Тасиц Н. А.* Научная политика СССР в 1927–1941 гг. // *Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы)*. М., 2012. С. 564–592; и др.

⁶ См. об этом: *Graham L.* The Soviet academy of sciences and the Communist party, 1927–1932. Princeton, 1967; *Брачёв В. С.* Угрожение строптивой... С. 120–127; *Кольцов А. В.* «Атмосфера вокруг Академии сгустилась» // «За железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / под ред. М. Хайнеманна, Э. И. Колчинского. СПб., 2002. С. 7–28; *Соболев В. С.* Нести священное бремя прошедшего: Российская академия наук: Национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. СПб., 2012; и др.

⁷ Уставы Российской академии наук. С. 145–146.

⁸ *Тункина И. В.* М. И. Ростовцев... С. 101.

⁹ Летопись Российской Академии наук. С. 654.

¹⁰ На том же июньском заседании президиум АН СССР окончательно определился с формулировкой исключения эмигрантов из ее состава: «потеря связи с Академией наук ввиду выезда за границу», которая выражалась в лишении их содержания, прекращении высылки им академических изданий.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 122. Л. 5.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ *Милютин В.* О работе Академии наук (к предстоящим выборам новых академиков) // *Известия*. 1928. 14 апр. С. 3.

¹⁴ Перед обновлением Академии Наук СССР // *Известия*. 1928. 21 июля. С. 1.

¹⁵ Выборы в Академию Наук // *Возрождение*. 1928. 24 июля. С. 1.

¹⁶ *Тимашев Н. С.* Перед выборами в Академию Наук // *Возрождение*. 1928. 3 июля. С. 2.

¹⁷ Летопись Российской Академии наук. С. 642.

¹⁸ *Покровский М. Н.* О поездке в Осло // *Вестник Коммунистической академии*. 1928. № 30. С. 234.

¹⁹ Максим Максимович Литвинов — заместитель народного комиссара иностранных дел.

²⁰ Виктор Эммануил III стал почетным членом Российской академии наук 1 декабря 1901 г.

²¹ Густав V являлся почетным членом Российской академии наук с 1 декабря 1901 г. Здесь и далее сохраняются подчеркивания оригинала.

²² В 1899–1901 гг. состоялась шведско-российская экспедиция по изучению градусных измерений архипелага Шпицбергена.

²³ Предыдущий устав Академии наук был принят в 1836 г.

²⁴ Обращение Н. П. Горбунова предшествовало встрече С. Ф. Ольденбурга с Е. П. Вороновым, которая состоялась в Москве 6 июня 1928 г., и упоминалось в разговоре. Об этом сохранилось упоминание в эго-источниках Е. Г. Ольденбург: «С[ергей] Ф[едорович] имел беседу с Вороновым. Воронов: Правительство 10 лет ждало и дало много авансов, но на 11-м году оно поступает с Академией Наук по-своему. Академия Наук не сумела понять и занять то положение, которое она должна занять в советском государстве. Несмотря на то что введен новый устав, и несмотря на письмо Н. П. Горбунова, Академия Наук до сих пор не исключила из числа своих членов Струве, Ростовцева и др.» На следующий день, 7 июня, как следует из записей Е. Г. Ольденбург, прошло заседание Президиума АН СССР. На нем «обсуждался вопрос о выборах в академики лиц, намеченных Правительством, и исключении из числа академиков П. Б. Струве, Ростовцева, и др.» (цит. по: *Каганович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург: опыт биографии. СПб., 2013. С. 153–154.

²⁵ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — философ, экономист, академик Академии наук с 1917 г. В эмиграции с 1918 г.

²⁶ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) — историк, член-корреспондент Академии наук с 1908 г. В июне 1918 г. историк отправился в научную командировку в Англию, из которой он так и не вернулся в Россию.

²⁷ Мальцев Николай Сергеевич (1849–1939) — фабрикант, промышленник, почетный член Академии наук с 1911 г.

²⁸ Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) — писатель, поэт, почетный член Академии наук с 1909 г. В 1920 г. эмигрировал сначала в Константинополь, затем во Францию.

²⁹ Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) — историк, член-корреспондент Академии наук с 1917 г. В эмиграции с 1922 г.

³⁰ Глубоковский Николай Никанорович (1863–1937) — богослов, член-корреспондент Академии наук с 1909 г. В эмиграции с 1923 г.

³¹ Романов Николай Николаевич-младший (1856–1929) — великий князь, внук Николая I.

³² Во время очередной командировки (17–24 июня) С.Ф.Ольденбургу удалось лично поговорить с Н.П.Горбуновым. Судя по сделанным дневниковым записям Е.Г.Ольденбург, встреча успехом не увенчалась: «С[ергей] Ф[едорович] вернулся из Москвы. Настроение его очень тяжелое» (цит. по: *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург. С. 155).

³³ Прекращение обмена результатами интеллектуальной деятельности началось задолго до описываемых событий. М.И.Ростовцев, например, советовал коллегам, что на присылаемые им в Академию наук опубликованные в эмиграции труды в 1922 и 1926 гг. в ответ от советских учреждений ничего не получал.

³⁴ Ольденбургский Александр Петрович (1844–1932) — принц, почетный член Академии наук с 1890 г.

³⁵ Письмо является ответом на обращение Воронова, о котором зафиксировано в дневниках Е.Г.Ольденбург от 23 ноября: «Сегодня от Воронова снова пришла бумага, просит прислать копии с протоколов заседаний, в которых были исключены из числа академиков Ростовцев, Струве и др., а протоколов нет, потому что заседаний не было» (цит. по: *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург. С. 168).

³⁶ В углу сделана черными чернилами надпись: «1) А[кадемия] н[аук] не намерена огласить декларацию, принципиально отгораживающую ее политически от всех эмигрантов. 2) Решение Президиума, я уверен, не было поставлено на Общее Собрание».

³⁷ См. примеч. 24.

³⁸ В конце первого листа публикуемого документа красной ручкой сделана пометка: «Очевидно, есть желание оттянуть до проведения выборов. Нужно по окончании выборов получить утверждение общего собрания».

Статья поступила в редакцию 30 августа 2019 г.

Рекомендована в печать 5 марта 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Груздинская В.С. Исключение из состава Академии наук в зеркале документальных свидетельств (1928 год) // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10, № 2. С. 540–551. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.218>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00397.

Сведения об авторе: Груздинская В.С. — аспирант, Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского (Омск, Россия); vik11910314@yandex.ru

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского, Россия, 644077, Омск, пр. Мира, 55а

FOR CITATION

Gruzdinskaya V. S. 'Exclusion from the Academy of Sciences in the Mirror of Documentary Evidence (1928)', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 2, 2020, pp. 540–551.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.218> (In Russian)

This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-09-00397.

Author: *Gruzdinskaya V. S.* — PhD Student, Omsk State University (Omsk, Russia); vik11910314@yandex.ru

Omsk State University, 55a, pr. Mira, Omsk, 644077, Russia

References:

- Brachyov V. S. 'The Taming of the Shrew or How the Academy of Sciences of the USSR was taught to obey', *Vestnik AN SSSR*, no. 4, 1990. (In Russian)
- Glukharev N. N. 'Searching the forms of public administration of science in the USSR in the end of 1920s', *Nauka i shkola*, no. 6, 2010. (In Russian)
- Graham L. *The Soviet academy of sciences and the Communist party, 1927–1932* (Princeton, 1967).
- Kaganovich B. S. *Sergey Fedorovich Oldenburg: Essays in Biography* (St. Petersburg, 2013). (In Russian)
- Kol'tsov A. V. 'The atmosphere around the Academy has worsened'. "Za zheleznyim занавесom": mify i realii sovetskoj nauki, eds M. Hajnemann, E. I. Kolchinskii (St. Petersburg, 2002). (In Russian)
- Chronicle of the Russian Academy of Sciences*, 4 vols, vol. IV: 1901–1934, eds E. I. Kolchinskii, G. I. Smagina (St. Petersburg, 2007). (In Russian)
- Pokrovskiy M. N. 'About trip to Oslo', *Vestnik Kommunisticheskoi akademii*, no. 30, 1928. (In Russian)
- Sobolev V. S. *Bearing the sacred burden of the past: Russian Academy of Sciences: national cultural and scientific heritage. 1880–1930s* (St. Petersburg, 2012). (In Russian)
- Tasits N. A. 'Scientific policy of USSR in 1927–1941', *Raspisanie peremen: Ocherki istorii obrazovatelnoi i nauchnoi politiki v Rossijskoi imperii — SSSR (konets 1880-kh — 1930-e gody)* (Moscow, 2012). (In Russian)
- Tunkina I. V. 'Rostovtsev and Russian Academy of Sciences', *Skifskii roman*, ed. by G. M. Bongard-Levin (Moscow, 1997). (In Russian)

Received: August 30, 2019

Accepted: March 5, 2020